

УДК 82-03.512.122-161.1
ББК 84(Каз-Рус)
Ж 12

ВЫПУЩЕНА ПО ПРОГРАММЕ
МИНИСТЕРСТВА СВЯЗИ И ИНФОРМАЦИИ
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Редакционная коллегия:

Каскабасов С.А. (*председатель*), Кул-Мухаммед М.А.,
Кирабаев С.С., Елеукенов Ш.Р., Исагулов Ж.И., Нургалиев Р.Н.,
Абдрахманов С.А., Исакова А.С., Бейсенгалиев З.Г.,
Абдезулы К., Майтанов Б.К., Болтанова Ж.К.

*Составитель, автор вступительной статьи
и комментариев С.А. Каскабасов*

Жабаев Жамбыл

Ж12 Избранные произведения. / *Жамбыл Жабаев.*
Перевод с казахского. Астана: Аударма, 2010. – 464 стр.

Список книг серии “Библиотека Казахской Литературы”
утвержден Ученым советом Института литературы и искусства
им. М.О. Ауэзова (протокол №9 от 26 июня 2009 г.).

В оформлении суперобложки использованы фрагменты из картин
художников А. Курганбаева и О. Нуржумаева.

ISBN 9965-18-309-0

УДК 82-03.512.122-161.1
ББК 84(Каз-Рус)

ISBN 9965-18-309-0

© Издательство “Аударма”, 2010
© Иллюстр. “Музей современного
искусства”

ОТ СОСТАВИТЕЛЯ

На русском языке сочинения акына издавались отдельным томом неоднократно. Наиболее полное и научное издание осуществилось в 1958 году к Декаде казахской литературы и искусства в Москве. Эта книга затем переиздавалась без изменения 1980, 1981 и 1996 гг.

Настоящий том подготовлен на основе издания 1958 года, но он не повторяет его точь-в-точь. В нем имеется ряд отличий: а) отдельные произведения, которые были данью времени и не являлись достойным образцом поэтического искусства акына, исключены; б) с новых позиций написана вступительная статья; в) все комментарии к текстам написаны заново. Ибо при составлении тома и написании комментариев обнаружилось, что сведения об истории возникновения некоторых стихов неточны и разноречивы. Наряду с этим в разных изданиях (как на казахском, так и на русском языках) имели место произвольные вмешательства в тексты, делались редакторские правки, производились сокращения и объединения песен, изменялись их названия и т.п. Некоторые из них устранены по мере возможности, сведения о произведениях уточнены, измененные названия восстановлены по первым публикациям и т.д.

Исправление всех имеющихся ошибок и искажений требует большой работы и значительного времени. Необходим тщательный текстологический анализ всех произведений Жамбыла. Следует осуществить академическое издание поэтического наследия акына с определением точного срока и причины создания той или иной песни, даты ее записи и первой публикации с установлением личностей, упоминаемых в стихотворениях Жамбыла. На основании

академического издания казахских текстов можно выпустить полное собрание сочинений акына на русском языке, для чего необходимо осуществить новый перевод его песен. Все это – дело будущего. Пока же мы ограничились имеющимися переводами, принадлежащими талантливым переводчикам 1930-1940 годов.

Предлагая читателям эту книгу, мы надеемся, что, ознакомившись с нею, они получат полное представление о могуществе поэтического дарования Жамбыла Жабаева, о его жизни и творчестве, о его поэзии, вобравшей в себя две эпохи казахской действительности, которые мудрый акын отобразил в сопоставлении и противопоставлении.

В русских текстах настоящего издания сохранено старое написание фамилии и имени акына – Джамбул Джабаев. Это вызвано тем, что, во-первых, имя акына стало известно русскоязычному читателю бывшего СССР в таком написании, во-вторых, такое написание было употреблено в русских переводах еще при жизни акына, в-третьих, в переводных текстах, где акын говорит о себе, его имя дано в транскрипции Джамбул, и изменение его нарушило бы рифмо-ритмическую структуру русских текстов. При сравнении их с казахскими оригиналами было установлено, что они переведены по изданию полного собрания сочинений Жамбыла к 100-летию со дня его рождения в 1946 году.

ЖАМБЫЛ: ЕГО ВРЕМЯ И ПОЭЗИЯ

Редкостной судьбы человек – Жамбыл Жабаев. Пожалуй, история не знает ей аналога: в 90 лет он стал всемирно известным и еще 10 лет провел в стремительном творческом полете, а затем стал объектом спора и сомнений – был ли Жамбыл вообще.

Воистину фортуна лукава и переменчива. В течение многих лет Жамбылом восхищались, его переводили на многие языки и большими тиражами издавали как в бывшем СССР, так и за рубежом. О нем слагали стихи и поэмы, писали рассказы, очерки и роман, создавали фильмы и симфонии. Среди тех, кто писал о Жамбыле, были Р. Роллан, М. Шолохов, П. Тычина, Н. Тихонов, К. Симонов и другие видные поэты, писатели и ученые.

Всеобщее признание и восхищение сменилось нигилистическим отношением к имени и творческому наследию Жамбыла после того, как был разоблачен культ личности Сталина. Те, кто недавно превозносил великого акына, теперь объявляли поэзию Жамбыла услужливой и заказной, предлагали исключить его из истории литературы... Такие суждения нет-нет да высказываются и ныне. Так правомерно ли сегодня говорить о Жамбыле как о великом поэте-импровизаторе? Безусловно.

Конечно, было бы проще сказать, что Жамбыл – фигура трагическая, как это модно сейчас говорить. Что он был одновременно поэтом-художником и поэтом, выполнявшим социальный заказ партии и государства, что он прославлял казарменно-феодальный социализм, который принес народам неисчислимые бедствия и т.д... Думается, что это – не главное. Для понимания и оценки творчества Жамбыла необходимо вскрыть причину, породившую литературу, которая служила государству и партии, была их орудием, став частью официальной партийно-государственной идеологии советской власти.

Как известно, большевистская партия, пришедшая к власти в 1917 году, нуждалась в поддержке широких масс. Она искала пути и способы донесения своих идей до людей и проводником своей идеологии избрала творческую интеллигенцию, которую надо было привлечь на свою сторону. Для этой цели создавались творческие ассоциации и союзы, через которые

партия воздействовала на деятелей культуры. В то же время партия путем жестокой идеологической борьбы искоренила в творческой среде дух свободомыслия и укоренила чувство неуверенности и преданности только одной, коммунистической идеологии. Была также утверждена в науке марксистско-ленинская методология, признанная единственно верной, что на деле представляло собой насилие над личным мировоззрением человека. В результате осуществленной под этими идеологическими и методологическими лозунгами культурной революции в литературе и искусстве воцарился принцип их партийности и классовости, а писатели, поэты, художники и композиторы стали творить только по методу социалистического реализма, благодаря чему вся советская культура стала ангажированной. Она изображала действительность только с позиций коммунистической идеологии, показывала лишь светлые стороны жизни, приукрашивала ее, воспевала социалистическое государство, коммунистическую партию и ее вождей, особенно Ленина и Сталина.

Впрочем, создание литературы государственного служения не является чем-то новым, придуманным коммунистической партией и советским государством. Такая литература, как известно, была создана в России в XVIII веке, когда после петровских реформ в обществе господствовала идея сильной государственности и служения государю-батюшке. Вспомним оды Тредиаковского, Ломоносова, Петрова, Сумарокова, Державина, в которых они прославляли монархов, их деяния, приписывая им в заслугу все, что было положительного в России, и ставя служение им выше служения обществу. Традиция оды и воспевания монарха была нарушена великим Пушкиным. Но через сто лет она вернулась через творчество Маяковского и окончательно утвердилась в советской литературе, когда маститые уже поэты и писатели Исаковский, Антакольский, Сурков, Михалков, Тихонов, Рыльский и другие писали о Сталине, о советской власти и ставили интересы государства и партии выше интересов общества и личности.

Подобная же картина обнаруживается и в истории казахской литературы. В период возникновения на развалинах Золотой орды и становления Казахского ханства литература выполняла роль идеологии и проповедовала идею этатизма и

ханской власти. Асан-Кайгы, Казтуган, Доспамбет, Шалкииз, Бухар и другие жырау, жившие в XV-XVIII вв., свое назначение видели в служении хану и государству, воспевали сильную монархическую личность и государственность. Только великому Абаю удалось освободить литературу от государственного служения, повернуть ее к человеку и вернуть ей изначальную, эстетическую функцию. Но с установлением советской власти и партийно-классовой идеологии во всем Советском Союзе в казахской литературе, как и в русской, возобладала идея сильной советской государственности и великого ее руководителя, заменившего теперь в литературе образ монарха. Писатели, поэты, драматурги и другие деятели культуры наперегонки создавали произведения о партии, о Ленине, Сталине и внесли большой вклад в развитие литературы и искусства партийного и государственного служения, в канонизацию образов партийных вождей и утверждение их культа. Они считали себя помощниками и солдатами партии, решения партийных съездов и пленумов несли в массы. При такой мощной идеологической обработке и жестко проводимой партийно-классовой политике, естественно, не мог неграмотный и престарелый Жамбыл не верить большевистской пропаганде и не воспевать жизнь, которую все восхваляли, не славить партию и ее вождей. Разумеется, нельзя сбрасывать со счетов и того, что Жамбыл не был искушен в политике, и он искренне верил в идеалы социализма, поскольку он своими глазами видел экспроприацию экспроприаторов и все те изменения, которые происходили в социальной, экономической и культурной жизни общества.

Как бы то ни было, бесспорно одно: Жамбыл Жабаев являл собою яркий талант и выдающиеся исполнительские способности устной акынской поэзии, вобравший в себя многовековой опыт импровизаторской традиции жырау, жырышы и акынов. Он обогатил ее во многих отношениях: и по содержанию, и по тематике, и по поэтике, расширил ее функциональный диапазон, повысил ее роль и значение. Благодаря этому Жамбыл превратился во всесоюзного трибуна, оперативно откликавшегося на все важные события в жизни страны, став поэтическим летописцем двух веков и двух жизней.

Казахская литература в течение многих столетий творилась, жила и развивалась в двух формах: устной и письменной. Письменная литература создавалась преимущественно в придворной среде профессиональными поэтами или писцами-хронистами, находившимися на государственной службе у правителя, как это было широко распространено на средневековом Востоке. Причем авторы, как правило, посвящали свои произведения султану или же приносили свои творения в дар правителю, за что получали вознаграждение в различной форме.

Устная же поэзия, создававшаяся акынами и жырау, бытовала и сохранялась путем устной передачи от наставника к ученику, от отца к сыну. Но это не означало, что произведения, сохраняемые в памяти и передаваемые устно, лишались первоначальной оригинальности и теряли авторскую индивидуальность. Традиция передачи от наставника к ученику требовала обязательного соблюдения авторского текста таким, каким он его перенимал от своего предшественника. Исключение допускалось лишь в отношении анонимных произведений, а также традиционных героических и любовных сказаний, которые создавались и исполнялись не одним поколением сказителей – жырышы.

Устная литературная традиция предполагала прохождение начинающими акынами серьезной поэтической школы у прославленных поэтов-импровизаторов. Жамбыл не был исключением в поэтической культуре казахов, и как поэт он сформировался в русле традиций импровизаторского искусства. Он прошел блестящую школу поэтического мастерства у своего знаменитого наставника Суюнбая Аронова и других не менее известных акынов Семиречья и Южного Казахстана.

Основными творцами устной авторской литературы были жырау и акыны. Жырау представляли собой тип поэта-импровизатора, который постоянно находился при правителе, был его советником и идеологом. Он выступал с импровизацией по важнейшим вопросам жизни и государства и адресовал свои слова непосредственно хану или султану. Его выступление происходило на ханском совете или на народном собрании и носило форму поэтического размышления-толгау либо посвящения-арнау, в которых он в назидательно-

философском плане говорил об эпохе своей и минувшей и сравнивал их, оценивал ситуацию в стране и излагал свое мнение о происходящих событиях, давал советы и рекомендации, а иногда высказывал свое отрицательное отношение к тому или иному поступку самого хана.

Жырау как носители идеи казахской государственности сошли с исторической арены вместе с распадом Казахского ханства вследствие завоевания его Российской империей.

На арену вышли акыны, которые прежде занимались импровизацией на семейно-бытовые и другие различные темы народной жизни, участвовали в поэтических состязаниях, устраиваемых на свадебных пирах, годовых тризнах-поминках по умершим и прочих праздниках. Начиная с XIX века, роль акынов повысилась, диапазон их функций расширился, их поэзия стала общественно значимой. Поэтическая импровизация превратилась в их профессию, и акыны теперь стали ездить по аулам, благодаря чему познавали жизнь глубже и шире, обретали знания также по истории и культуре тех краев, которые сами посещали, нередко обучались арабской грамоте и приобщались к классической поэзии Востока. Все это позволяло акынам смотреть на общество и на его устройство другими, чем прежде, глазами, выдвинуться на передний план духовной жизни казахского народа и стать выразителями его социальных интересов, чаяний и ожиданий.

Жамбыл сочетал в себе оба типа поэта-импровизатора: и жырау, и акына. Он начинал свою творческую жизнь как акын аула. В 15 лет сочинил первые песни и в течение последующих 85 лет не переставал импровизировать. Сколько произведений им было сочинено и исполнено за это время, не счесть. К сожалению, его песни, толгау, айтысы и дастаны стали записываться только с 1936 года, когда он буквально в один день стал известен на весь Советский Союз, благодаря публикации в газете «Правда» (7 мая) его большого толгау «Моя Родина» («Туған елім»), в котором он вкратце рассказал об истории казахов, их судьбах в прошлом и охарактеризовал тогдашнюю жизнь Казахстана 20-30-х годов. Лишь после этого к Жамбылу прикрепили литературных секретарей, которые стали регулярно записывать новые импровизации акына, а также старые его произведения из собственных уст Жамбыла.

Жамбыл Жабаев родился в феврале 1846 года у подножия горы Жамбыл. Это был период, когда казахи Жетысу, в частности, роды племени Шапырашты, куда входил род Екей, откуда были предки будущего акына, находились под игом кокандцев – с одной стороны, подвергались набегам киргизов – с другой стороны, и испытывали давление войск царской России – с третьей стороны.

Активная творческая деятельность Жамбыла началась в последней трети XIX века, когда Семиречье и Южный Казахстан полностью были присоединены к России и в результате реформ 1867-1868 гг. по управлению различными областями казахских степей в Казахстан были введены российские системы административно-территориального управления, которые окончательно разрушили многовековой уклад жизни казахов и привели казахские аулы к социально-экономическому кризису и серьезным общественно-политическим противоречиям. Жизнь усугублялась еще и тем, что царские власти переселяли в Казахстан безземельных крестьян и казаков, которым выделяли отобранные у казахов самые плодородные земли, лучшие луга и пастбища, а казахов вытесняли в пустынные засушливые зоны.

Жамбыл был свидетелем всего этого. На его глазах рушилась традиционная жизнь казахов, гибло все то, что было выработано предками в течение многих веков, нарушались обычаи, менялись нравы людей. Введенные в край новые российские порядки порождали недоверие между людьми, угодничество перед начальством, клеветничество и сутяжничество, т.е. все те пороки, которые возникают при государственно-чиновничьем управлении. В казахских аулах появились обман и несправедливость, насилие и подкуп, беззаконие и унижение.

Естественно, все это не могло не наложить отпечаток на творчество Жамбыла. Не только он один, а многие акыны-импровизаторы, как и представители письменной литературы, во всю мощь своего таланта и поэтического мастерства выражали интересы казахского народа, подвергали жестокой критике все отрицательные явления в общественной и семейной жизни, высмеивали лицемерие выбранных по указке царской администрации волостных управителей, брали под обстрел людские пороки. Особенно сильно звучали голоса

Махамбета, Дулата, Шернияза, Шортанбая, Суюнбая, Мурата и других. Был среди них и сравнительно молодой Жамбыл.

Жамбыл, как и другие акыны, часто свои песни посвящал кому-нибудь из таких людей, которые своим поведением либо поступком отличались от других, вызывая всеобщий смех или осуждение. Нередко он свои арнау адресовал знатным сородичам, богатым волостным или зажиточным одно-аулчанам. Обычно, целью этих посвящений являлась не хвала, а какая-нибудь просьба. Если же тот, к кому обращены слова акына, отказывал в просьбе, то песня-арнау моментально превращалась в едкую сатиру. В песне «Шалтабаю», например, Жамбыл открыто высказывал волостному управителю свою обиду и развенчивал его двуличность и циничность.

Взором мрачным смотришь в дали,
Думая, что ты один.
Волостных мы повидали
И немало, господин.
Черным потом обливался
Ты на выборах своих.
И богатством ты швырялся,
Был приветлив, щедр и тих.
Был ты всем, как друг и брат,
Все кричал ты: «Жамагат».
А добился власти,
Никому ты стал не рад.
Не приветлив ты, не мил,
У тебя не раз я был.
Как не гневаться Джамбулу,
Коль с обидой уходил?

Такие песни-посвящения – излюбленная форма Жамбыла досоветской эпохи. Поводом для подобных обращений могли быть различные жизненные ситуации, людские действия и нравы. В них Джамбул рассказывал о конкретных делах реального человека, давал оценку им со своих позиций, стыдил и корил жадных богачей за их скупость и бездушие, выставлял на посмешище воров и лжецов, зло высмеивал спесь баев и биев. За это власть имущие не любили Жамбыла, но Жамбыл не боялся и не заискивал перед ними. Он знал, что его поэзия неподвластна никому, ибо у казахов издревле был культ поэзии и красноречия. Не случайно в народе бытовало крылатое

выражение «Верх искусства – красноречие» («Өнер алды – кызыл тіл»). К тому же в казахском обществе с древности придерживались принципа «можно лишить головы, но не слова» («бас кеспек болса да, тіл кеспек жоқ»). И никто из подвергавшихся акыном осмеянию не имел права наказывать акына, не смел преследовать его. Наоборот, они старались умаслить акына и одаривали его, потому что боялись, что песня акына разлетится по аулам, и о них пойдет дурная слава. Акыны, в том числе и Жамбыл, очень умело пользовались этими обстоятельствами.

Жамбыл – непревзойденный мастер айтыса – поэтического состязания акынов. Именно в айтысе наиболее ярко проявился его великий поэтический талант, он показал себя истинным художником слова, обладающим художественным мышлением, сочным языком и всеми качествами, необходимыми для победы в большом поэтическом марафоне. По традиции тот, кто импровизировал песни на разные темы и по разным поводам, мог заслужить звания акын лишь после участия в нескольких крупных айтысах и победы над одним из знаменитых акынов-айтыскеров. Айтысы бывали разные по форме и целевой установке: кайым-айтыс – любовно-шуточные состязания между молодыми парнями и девушками, туре-айтыс – спор в небольшой песенной форме между молодыми акынами (чаще джигитом и девушкой), суре-айтыс – эпическое поэтическое состязание маститых акынов с охватом больших проблем и разной тематики и т.д.

В творчестве Жамбыла есть все формы айтыса. Известны его любовно-шутливые айтысы с девушками. От самого Жамбыла записаны айтысы с девушкой Айкумыс и дочерью богача Болека. Эти айтысы носят не только любовно-шутливый характер. В них молодые люди в образно-поэтической форме говорят о своих проблемах, о несчастной судьбе девушки, засватанной за нелюбимого человека, о горе разлученных влюбленных:

Я мог ли к тебе, Айкумыс, не спешить?
Я молод, о скалы я бьюсь, чтоб любить.
Я ночью и днем лишь тобою живу,
Тебе ль для худого добычею быть, –

говорит Жамбыл.

На это Айкумыс отвечает:

Ты, самоуверенным, милый, не будь,
Как будто всех девушек спас ты, Джамбул.
Зачем же расстался с родным ястребком
Умеющий зорко предвидеть судьбу?

И Жамбыл, и Айкумыс иносказательно намекают на то, что Айкумыс засватана за «худого», т.е. недостойного ее жениха, а Жамбыл не по воле своей расстался с любимой девушкой Бурым, которая в айтысе называется «родным ястребком».

Жамбыл вступал в поэтический спор со многими прославленными акынами из разных регионов Казахстана и Кыргызстана и ни в одном из них не проигрывал. Исследователями зафиксированы тексты айтысов великого акына с Бактыбаем, Сары, Майкотом, Болтириком, Кулмамбетом, Сарбасом, Досмагамбетом, Шашубаем и другими. По сложившимся с давних пор правилам участники айтыса поочередно нападали друг на друга, защищались и парировали слова соперника, путем взаимных вопросов и ответов выясняли знания и общую культуру друг друга, загадывали и отгадывали загадки. В пылу поэтической полемики допускалось затрагивать честь и достоинство противника, вплоть до насмехательства над его физическими недостатками. Поскольку акыны выступали от имени своих родов, они безжалостно поносили роды друг друга, восхваляли свой род и прославляли его старейшин и других знатных соплеменников. Жамбыл тоже пользовался всеми этими приемами, за исключением одного – унижения достоинства человека. И не только в этом было новшество его. Он ввел в айтыс абсолютно новые идеи и темы, непривычные подходы и оригинальные аргументы. И этим значительно обогатил и обновил жанр айтыса, вывел его из родоплеменного сознания и поднял на общенародный уровень, придал ему острую социальную направленность и возвысил его нравственную роль. В лучших своих айтысах Жамбыл родовому и сословному пониманию жизни противопоставлял всенародное значение героики подвигов выдающихся личностей, сыгравших большую роль в борьбе за независимость родины. В этом отношении особенно показателен айтыс Жамбыла с виднейшим акыном Семиречья Кулмамбетом, состоявшийся в 1881 году на большой ярмарке, устроенной на берегу реки Или. Кулмамбет, победивший накануне 9 акынов и находящийся в экзальтации, весь свой

айтыс построил на восхвалениях родов Албан, Дулат и богатых людей этих родов. Жамбыл же, наоборот, пел о батырах, защищавших родную землю от посягательств чужеземцев, о бедных по количеству скота, но благородных душой и по поступкам людей. С первых же слов, желая сбить Жамбыла с толку, Кулмамбет набрасывается на Жамбыла и его род Шапырашты.

О всемогущий творец. Видишь ли ты?
День Кулмамбета настал – в страхе шуты.
Где оседлал коней род Албан-Дулат,
Там ковыляет жалкий Шапрашты.

Жалок тот род: в слезах молодуха там,
Баи там скот пасут, голодуха там.
Где оседлал коней род Албан-Дулат,
Шапрашты не собратся с духом там...

Эх, Джамбул, со мной ты не вкусишь удач,
Ждал ты веселья, но здесь ждет тебя плач.
Если б только Нуркан свой пригнал табун,
В землю б он втоптал шапраштинских кляч.

Затем Кулмамбет перечисляет всех известных богачей из родов Албан и Дулат, дает каждому из них высочайшую характеристику, возводя их до небес.

В ответ Кулмамбету Жамбыл, нисколько не горячась и не кичась, спокойно и степенно говорит:

...Если мощен ты, Кулмамбет,
Должен принять вызов врага.
Знатному роду ты слуга,
За богача прячешься ты,
С ним еще наплачешься ты,
Пусть у Бабы вдосталь ягнят –
Предки плохо тебя хранят.

Нечем, пока я здесь, козырнуть тебе,
Трудно из рук моих ускользнуть тебе.
О Карынбае не пой, о скряге нам,
О богатырской спел бы присяге нам.
Нам о народном единстве лучше спой,
Спой о доблести ты, об отваге нам!

В противовес богачам родов Албана и Дулата Жамбыл прославляет героические свершения батыров Суранши,

Саурыка, Карасая, Наурызбая, Али, Кашке, Кожамбета, Утегена и Казыбека, благородные дела Байтеле, Калена, Жапека, Даулета и других. А о тех баях и знати, которых восхвалял Кулмамбет, Жамбыл говорит:

Эй!.. Прислушайся, Кулмамбет,
В баях твоих смысла нет.
Даром ты тратишь столько слов
На дураков и ослов.
Дрязги, сплетни и клевета –
Вот чем ваша знать занята.
Тень на народ баи кладут,
Будешь и ты в этой тени.
Баям вовек не буду сродни.
Байским добром не бахвалюсь я,
Бедностью не опечалюсь я.

В мощи народа – сила моя,
Цель народу ясна моя.
Богатырям я честь воздаю,
Вот на какой я земле стою!
Не уступлю, Кулмамбет, тебе!

Не родоплеменные и не сословные интересы движут мыслями Жамбыла. Он движим заботой о всем народе, о его чести, думами о судьбе и защите его. Именно эта направленность айтысов, да и всей поэзии Жамбыла, стала главенствующей в творчестве акына в советское время, став своеобразной основой для возрождения традиций древних жырау. Если в прежнее время Жамбыл сочинял песни по разным поводам, то теперь в советскую эпоху, особенно начиная с конца 1920-х годов, он стал слагать по случаям, имевшим значимость для всего общества. Его широкоизвестные толгау и стихи 30-40-х годов предназначались, как и у средневековых жырау, в основном для торжественного церемониального исполнения перед большой аудиторией. После того, как стал известен на весь Союз, Жамбыл неоднократно выступал с импровизацией на торжественных собраниях, посвященных очередной годовщине Октябрьской революции, на сессиях Верховного Совета республики, на юбилейных заседаниях пленумов Союза писателей СССР, Союза писателей Казахстана и Союза писателей Грузии. И в

будничные дни он импровизировал перед колхозниками и школьниками. Естественно, при такой ситуации эти произведения сочинялись в высоком стиле и наполнялись духом социально-политического и героико-патриотического пафоса. Если раньше процессы сочинения и исполнения шли одновременно, то теперь они стали разделяться. Литературные секретари Жамбыла отныне занимались не только записыванием экспромтов акына, но и читали ему газеты, информировали его о происходящих в республике и стране событиях, сообщали новости, рассказывали разные истории из биографии поэтов и писателей страны, читали их отдельные произведения. Так расширился кругозор Жамбыла, и он чувствовал себя участником всего того, что совершалось тогда в Советском Союзе.

Постепенно у акына, как и у миллионов людей, возникла иллюзия личной причастности к решению важных государственных дел во всем СССР, и то, что он в своих толгау смело говорил об общегосударственных проблемах, вполне естественно. Конечно, нельзя тут отрицать и тот факт, что многие его произведения 30-40-х годов были созданы по желанию властей, которые в завуалированном виде выполнялись литературными секретарями акына. Тем не менее, надо признать, что эти толгау и стихи по своей идейно-эмоциональной силе и поэтическим достоинствам несколько не уступают лучшим поэмам и стихам профессиональной письменной литературы того времени. Они в сущности представляют собою классические образцы высокой поэзии жырау в условиях первой половины XX столетия. В этот период Жамбыл был и как жырау, и как поэт, т.е. он сочинял стихи устно, но потом их шлифовал при помощи литературных секретарей. Только после такой редакционной правки стихи предавались обнародованию. Один из литературных секретарей акына, видный поэт Таир Жароков писал: «...Джамбул импровизировал под домбру, не любил, когда за ним не успевали записывать. Он просил и даже требовал, чтобы ему обязательно читали запись. Когда Джамбулу не нравилось записанное, он снова импровизировал неудачные строки, а потом просил перечитать исправленный вариант и спрашивал, что еще нужно улучшить...» Здесь кроется одна из причин того, что некоторые его стихи, посвященные вождям

партии, особенно, толгау-размышления о прожитой им жизни по образной мощи, метафоричности и обобщенности превосходны и недостижимы. В них налицо целенаправленный отбор фактов действительности, их обобщение и превращение в художественный вымысел. При этом Жамбыл широко пользовался многовековым опытом фольклора, своеобразной поэтикой устной литературы и преобразовывал их в свой образный мир. В результате, он резко оживил жанр хвалебной песни-посвящения, в которой в манере жырау воспевал руководителей партии и государства.

Мы слышали твой голос, кипящий, как горный поток,
Как мощь водопада, дробящего скалы в камень.
Он льется на север, на запад, на юг, на восток,
Он рвет все плотины – всемогущ, могуч и глубок.
Мы слышим твой голос, батыр человечества – Ленин!

Песня-посвящение стала почти излюбленным жанром Жамбыла, поскольку от него требовалась поддержка всех деяний коммунистической партии и советской власти и оперативный отклик на знаменательные даты и события. Он стал как бы поэтом-летописцем страны и посвящал стихи активистам, воинам Красной Армии, испанцам-республиканцам, папанинцам, ученым, комсомолу, молодежи и др. Немало у Жамбыла было и персональных посвящений и обращений, стихов о больших индустриальных городах, о Москве, Ленинграде и т.п. Все эти произведения не лишены художественности, и они не могут заслонить яркую фигуру Жамбыла, его образное мировосприятие и подлинно поэтическое самовыражение.

История народа и степные события вереницей проходят перед его глазами, когда он импровизирует о «Беге времени», о «Родине», о «Рождении жизни». В них он повествует о прошлом и настоящем, противопоставляет их, минувшее рисует как время лихое, бедственное, а настоящее как светлую и радостную жизнь, выдавая порою желаемое за действительное.

Судьба народа и личная судьба Жамбыла неотделимы, поэтому в своих толгау и стихах он создал свой образ, сходный с образом народа. Он так же, как народ, страдал в прошлом, находился под тройным гнетом, терпел лишения и бедствия, но не сломился:

Я, как цветок без дождя, без воды,
Рос на распутье последней орды.
Я, как олень, потерявший следы,
Выхода сердцем искал из беды.

Так характеризовал он себя, говоря о прошлом.

Полностью противоположный свой образ создал акын, сравнивая минувшее и настоящее: «Сед я, столетний, но всеми любим; Сед я, столетний, но думами юн». Впрочем, образ «я» акына в поэзии советского времени и образ «я» акына в айтысе заметно различны. Если в поэзии 30-40-х годов «я» акына представлено в основном в социальном плане и как свидетель двух эпох, как мудрый старец, то в айтысе его «я» охарактеризовано чисто в художественном стиле, где образные сравнения и метафоры возвели личность акына в подлинно поэтический образ: «Я – скакун перед тобой, облезлым одром», «Я – речистый, как река», «Как горный кряж, я поднимаюсь над тобой. Я – та основа, что скрепляет дом большой», «Я – костер, горю в выси, Буря слов – врага коси», «Я же – сокол, полный сил», «Клад народа – это я, Речь народа – это я», «Я, как молния, ударю и хребет сломаю твой», «Я – ковер, что степью шит из живых цветов и песен» и т. д.

Вообще, следует подчеркнуть, что Жамбыл, будучи представителем устной поэзии, вышел за ее рамки, расширил ее изобразительные возможности, раздвинул ее границы. Как истый профессиональный поэт он сложил стихи о природе и временах года, о поэзии и искусстве, о поэтах, музыкантах и артистах. Даже в толгау, айтысах и дастанах он описывает природу, что весьма нетрадиционно для устной поэзии, а в отдельных стихах рисует живописную картину:

С неба выпал белый нежный снег..
Серебристый, свежий утолил
Жажду расцветающей земли.
Пей, земля любимая, легко,
Белый снег соси, как молоко.

Или:

Дождь серебристый прошел,
В тучах вымылся орел.
У подножия Ала-Тау,
Поклонясь медовым травам,

На заре тюльпан расцвел.
Тополя листвою шумят,
Буйно воды Чу кипят.
На зеркальные озера
С криком лебеди летят.

А вот в «Колыбельной песне»:

...Спят кузнечики в траве,
Рыбки спят в Амударье.
Тишине глубокой внемля,
Над рекою спит камыш,
Спят цветы, озера, земли.
Отчего же ты не дремлешь,
Черноглазый мой малыш?

В поэзии Жамбыла военных лет основное место, естественно, заняла тема защиты родины и дружбы народов. Все четыре года он неустанно создавал произведения о воинах, о гвардейцах, о Москве, Ленинграде. Весь мир облетела его песня «Ленинградцы, дети мои!». Многие из этих творений Жамбыла были настоящими шедеврами патриотической поэзии. Это было вполне закономерно, если учесть, что Жамбыл вобрал в себя всю многовековую устную поэзию, где доминантой была воинская и повстанческая. К тому же, его великое импровизаторское мастерство позволяло оперативно сочинять песню на злободневную тему.

Однако годы брали свое, и Жамбыл, так же, как и его предшественники, начал говорить о старости. В устной литературе казахов была традиция, описывающая особенности разных возрастов человека, в том числе и старость. Почти все выдающиеся акыны слагали такие песни. И Жамбыл, начиная с 1941 года, время от времени пел об этом. Но у него она была иная, чем у предшественников, здесь физическое и душевное состояние человека передается через сравнения:

Достиг я, шагая, вершины горы,
А век бесконечен, как песня домбры.
Расходятся ноги, как струны дрожат,
Стоять не могу, мои ноги стары.

Я ветхой кибитке подобен. В груди,
В глазах и в ушах моих ветер гудит.
Нет сил моих прежних управиться с ним,
А старость не вылечишь. Что же впереди?

Война не обошла ни одной семьи. И Жамбыл потерял любимого сына Алгадая. Его гибель принесла акыну огромное горе, от которого он долго не мог оправиться. Он скорбел и сложил несколько песен о своем сыне, которые звучали и как традиционное «жоктау-причитание», и как реквием по всем погибшим и убиенным на войне:

Если я обойду Ала-Тау в тоске,
Алгадая найду ль?
Если травы обшарю в Сары-Арке,
Соколенка вспугну ль?

Горе не сломило Жамбыла. Он продолжал петь, правда, все реже и реже. Одна из последних песен была посвящена акынам, своим соратникам и продолжателям многовековой устной поэтической традиции. Это было своего рода песенным завещанием великого акына и напутствием тем, кто брал эстафету импровизаторского искусства. Произошло это выступление в декабре 1943 года на республиканском айтысе акынов. Это был год гибели его сына, и война была в разгаре. А Жамбыл верил в победу и ждал ее. Не терял надежды и тогда, когда в декабре 1944 года он спел свое «Последнее слово»:

Кто мой костер потушил?
Кто мои уши закрыл?
Слабый румянец горит,
В постели лежу без сил.
Я не владею собой,
Слаб я, пора на покой...

Жамбыл дожил до дня Победы, он воочию увидел радость и ликование народа. Словно удовлетворенный этим и исполнивший свой долг, 99-летний Джамбул ушел из жизни 22 июня 1945 года, накануне Парада Победы.

Сейт КАСКАБАСОВ,
академик НАН РК,
лауреат Государственной премии РК

**ПРОИЗВЕДЕНИЯ
ДОСОВЕТСКОГО ПЕРИОДА**
(1859-1917)

ЖАЛОБА

Вьется у муллы в руках
Ивовый зеленый прут...
Вся спина моя болит,
Как теленок я избит,
Мое тело раны жгут.
Эти частые побои
Мне покоя не дают.

– Твой язык, мальчишка, злой,
Получай за это прут!
Лучше б не учиться мне,
Путь не преграждайте мне...
В чем так провинился я?
Объяснение дайте мне.

Разве школа у муллы?
Сгорбив плечи, ходит злынь,
Из халата, как из торбы,
Ловит жертву глазом злым.
В белой он чалме, урод,
Верблюдицей он ревет,
Что же это за урок?

Слово к сердцу не идет.
Школа горькая, прощай!
Мне во сне явилась песня,
Сердце, песней закипай!
Мой отец! К мулле насильно
Ты идти не заставляй!